

ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

УДК 60.542.15

С.Г. Максимова, А.Г. Морковкина
S.G. Maksimova, A.G. Morkovkina

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РАЗЛИЧНЫХ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

INTERPERSONAL AND INSTITUTIONAL TRUST AS AN INDICATOR OF CIVIL SOCIETY FORMATION OF IN THE RUSSIAN FEDERATION'S CONSTITUENT ENTITIES DIFFERENT IN SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Ключевые слова: доверие, межличностное доверие, институциональное доверие, гражданское общество, социальный капитал, гражданство, социальная ответственность, некоммерческие организации, субъекты Российской Федерации.

Проводится анализ взаимосвязи межличностного и институционального доверия со становлением гражданского общества в шести субъектах Российской Федерации: Алтайском крае, Еврейской автономной области, Забайкальском крае, Кемеровской, Омской и Оренбургской областях. Данные исследования показывают, что доверие к институтам гражданского общества находится на среднем уровне. Наибольшее доверие россиян среди социальных институтов вызывают институт президентства и Российская армия, наименьшее – политические партии. Среди изученных регионов наиболее высокие уровни как межличностного доверия, так и доверия ко многим социальным институтам отмечаются в Еврейской автономной области, пониженные уровни доверия ко многим субъектам власти и некоммерческим организациям наблюдаются в Забайкальском крае, Кемеровской и Омской областях. Уровни гражданского участия более высоки именно в регионах с более высокими уровнями доверия. Делается вывод о том, что доверие как межличностное, так и

институциональное является фактором развития гражданского общества.

Keywords: trust, interpersonal trust, institutional trust, civil society, social capital, citizenship, social responsibility, non-profit organizations, constituent entities of the Russian Federation.

The paper presents the analysis of correlation of interpersonal and institutional trust indicators with the development of civil society in six Russian regions: the Altai Region, Jewish Autonomous Region, Trans-Baikal Region, Kemerovo Region, Omsk Region and Orenburg Region. The trust level to the institutions of civil society is average. The social institutions with the highest trust level are the institution of presidency and the Armed Forces of the Russian Federation; the institutions with the lowest trust level are political parties. Among the studied regions, the highest levels of both interpersonal trust and confidence to social institutions were found in the Jewish Autonomous Region, the lowest trust levels for many government entities and non-profit organizations are in the Trans-Baikal Region, Kemerovo Region and Omsk Region. The levels of civic participation are higher in the regions with higher levels of trust. The paper concludes that trust, both interpersonal and institutional, is a factor in the development of civil society.

Максимова Светлана Геннадьевна, д.с.н., проф., зав. каф. психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет. E-mail: svet-maximova@yandex.ru.

Морковкина Анастасия Геннадьевна, аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. E-mail: a.g.morkovkina@gmail.com.

Maksimova Svetlana Gennadyevna, Dr. Sociol. Sci., Prof., Head, Chair of Psychology of Communications and Psycho-Technologies, Altai State University. E-mail: svet-maximova@yandex.ru.

Morkovkina Anastasiya Gennadyevna, post-graduate student, Lomonosov Moscow State University. E-mail: a.g.morkovkina@gmail.com.

Актуальность

Достижение государством высокого уровня политического, экономического, научно-технического развития в современном мире невозможно без развитого гражданского общества. Задача модернизации экономики и общества не может быть решена без вовлечения в этот процесс как можно большего числа творческих, свободных и активных граждан. С этим связан повышенный интерес как политического, так и научного сообществ к оценке состояния и путей развития гражданского общества в России.

Если оценивать состояние гражданского общества в России исключительно по формальным количественным параметрам, можно сделать вывод о его устойчивом развитии [1]. Так, согласно статистическим данным, число зарегистрированных в России некоммерческих организаций постоянно растет [2]. При этом, согласно докладу CIVICUS о состоянии гражданского общества за 2015 год, несмотря на стремление российских властей к развитию институтов гражданского общества, его активность в России остается крайне ограниченной [3], что иллюстрируется также данным проектом «Индекс устойчивости неправительственных организаций Центральной и Восточной Европы и Евразии» (USAID): индекс устойчивости НКО в России в 2013 г. составил 4,4, не претерпев существенных изменений за последние 10 лет [4].

Активность участия граждан в жизни своей страны, региональных и местных сообществ зависит от их доверия как друг к другу, так и к государственным, общественным и правовым институтам. В то же время экспертами отмечается, что уровень доверия на сегодняшний день является наиболее слабым компонентом социального капитала российского общества [5, 6]. Именно доверие определяет поддержку населением некоммерческих организаций, а также является условием формирования последних. Но роль доверия в жизни региона гораздо шире. Доверие, реализуемое людьми в повседневных практиках, к другим индивидам и группам, а также к социальным институтам и органам государственной власти, лежит в основе ценностных и поведенческих установок, связанных с социальной активностью, солидарностью, толерантностью и ответственностью.

Значимость доверия как фактора развития общества иллюстрируется данными многих исследований. В частности, были выявлены взаимосвязи между уровнем доверия в стране и темпами экономического роста [7], благосостоянием граждан [8, 9], эффективностью судебных решений, уровнем коррупции [10].

По результатам исследований в рамках проекта «Перспектива» было выяснено, что

одной из основных проблем гражданского общества в России является сложность привлечения граждан к общественной активности. Низкий уровень доверия к институтам гражданского общества препятствует вовлечению населения в их деятельность. Недоверие к некоммерческим организациям является, в частности, основной причиной того, что россияне жертвуют свои средства на благотворительность реже, чем могли бы. Как показывают данные опроса, проведенного исследовательской группой ЦИРКОН в 2008 г., только 10% россиян, желающих оказать благотворительную помощь, доверили бы свои средства независимой российской благотворительной организации, в то время как 39% граждан сделали бы это самостоятельно. В соответствии с результатами всероссийского опроса населения, проведенного в 2011 г. Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, в числе причин того, что люди мало занимаются добровольчеством, недостаток доверия указывался чаще всего. Наиболее популярной причиной стало недоверие к тем, кто нуждается в помощи (эту причину назвали 25% опрошенных), также в качестве причин часто упоминалось недоверие тем, кто организует труд добровольцев (19%) и недоверие государственным или муниципальным органам власти (16%). Чаще всего недоверие связано с недостаточной информированностью о деятельности организации [11].

Таким образом, работа над повышением уровней институционального и межличностного доверия россиян соответствует интересам как органов власти, так и организаций гражданского общества. Доверие определяет возможности развития гражданского общества, а также позитивно влияет на уровень социальной стабильности, интеграционные процессы в регионах, легитимность и поддержку власти. Исследование взаимосвязи межличностного и институционального доверия с развитием гражданского общества даст представление о проблемах, существующих в регионах в этой области, и возможных путях их решения.

Организация и методика исследования

Анализ показателей межличностного и институционального доверия, а также показателей развития гражданского общества был проведен на основе данных социологического исследования «Состояние, проблемы и тенденции развития институционального и межличностного доверия как социального капитала гражданского общества в шести субъектах Российской Федерации (объем выборочной совокупности составил $n = 2400$, возраст ре-

спондентов от 18 до 70 лет). В исследовании были задействованы 6 субъектов Российской Федерации: Алтайский край, Еврейская Автономная область, Забайкальский край, Кемеровская область, Омская область, Оренбургская область.

В проведенном исследовании были использованы следующие показатели:

Для оценки состояния доверия:

- оценка уровней межличностного доверия по шкале от 1 – «с людьми следует быть осторожными» до 10 – «можно доверять полностью»;

- степень доверия к отдельным категориям людей (коллегам по работе, друзьям, близким знакомым, соседям, близким родственникам);

- степень доверия к различным социальным институтам, организациям и группам (средствам массовой информации, политическим партиям, правозащитным и общественным организациям, обществам защиты прав потребителей, благотворительным организациям, религиозным организациям, этническим диаспорам, органам территориального самоуправления, федеральным, региональным и местным органам власти).

Для оценки состояния гражданского общества:

- понимание выражения «гражданское общество»;

- уровень ответственности за происходящее в стране, регионе, городе, своем доме и дворе;

- оценки уровня согласия и единства в обществе;

- оценка степени общности с различными категориями сограждан;

- оценка возможности продуктивного взаимодействия между представителями различных социальных групп;

- отношение к правам и обязанностям гражданина;

- участие в различных видах общественной деятельности;

- участие в деятельности общественных организаций;

- оценки выраженности условий развития гражданского общества в регионе.

Основными эмпирическими методами сбора и анализа данных являются метод анкетирования, традиционный анализ документов, методы математико-статистического анализа с использованием программных пакетов MS Office 2013 и SPSS 22.0 [12-14].

Результаты и обсуждения

Показатели межличностного и институционального доверия. Уровень межличностного доверия россиян оценивался на основе

вопросов о том, можно ли доверять большинству людей в целом и большинству людей из социального окружения респондента. Степень доверия оценивалась по шкале от 1 (с людьми следует быть осторожными) до 10 (можно доверять полностью). В результате по выборке в целом средний уровень обобщенного межличностного доверия оказался равен 4,57, то есть россияне скорее склонны быть осторожными в отношениях с людьми. Уровень доверия к окружающим людям несколько выше – в целом по выборке он составил 6,20 из 10.

Эти данные коррелируют с результатами международных сравнительных исследований. Так, согласно данным опросам, проведенным в 2009-2012 гг. в Литве, Польше, Украине, Чехии и России Щецинским университетом в сотрудничестве с социологами стран Восточной Европы, уровень межличностного доверия российской молодежи в среднем был равен 3,1 из 5 баллов и оказался наиболее низким среди представленных стран. Под межличностным доверием в данном случае понималось доверие к конкретным людям, с которыми поддерживаются личные отношения [15].

Таким образом, уровень межличностного доверия в целом не высок. При более детальных оценках оказывается, что даже среди знакомых людей в достаточной степени большинство респондентов доверяют только родственникам, друзьям и близким знакомым. Своим коллегам по работе и соседям не доверяет или скорее не доверяют около половины опрошенных. Это зафиксировано и в других всероссийских исследованиях: по данным проекта ЖМ-2014 уровень доверия к близким знакомым достаточно высок, а уровень доверия к коллегам, представителям местных органов власти, политических партий, церкви, профсоюзов противоположный [16]. Такие результаты неутешительны, учитывая, что гражданская активность строится на взаимодействии с перечисленными общностями.

Уровни межличностного доверия различаются в зависимости от региона. Наиболее высок уровень доверия к людям в целом в Еврейской автономной области (5,34 из 10). В других регионах значения следующие: 4,83 в Омской области, 4,45 в Забайкальском крае, 4,37 в Алтайском крае, 4,29 в Оренбургской области и 4,11 в Кемеровской области.

Невысокие уровни межличностного доверия определяют и отсутствие уверенности в возможности плодотворного взаимодействия между различными слоями населения. Полностью уверены в том, что между богатыми и бедными возможны взаимопонимание и сотрудничество лишь 8,3% респондентов, а в возможности сотрудничества между «про-

стами людьми» и теми, у кого «много власти», – всего 6,9%. Среди жителей различных регионов более высокие доли выразивших такую уверенность наблюдаются в Еврейской автономной области, Забайкальском крае и Алтайском крае, менее высокие – в Омской, Кемеровской и Оренбургской областях.

Среди 29 изученных социальных институтов, организаций и групп наибольшим доверием у россиян пользуются федеральные органы власти и государственные организации. На первых местах по уровню доверия оказались Президент Российской Федерации (ему в той или иной степени доверяют 69,3% респондентов) и Российская армия (65,8%). С заметным отрывом от двух первых позиций в первую пятерку вошли Правительство Российской Федерации (47,0%), прокуратура (42,8%) и суд (41,8%).

Организации гражданского общества занимают невысокие позиции в рейтинге доверия: общественным организациям (организациям ветеранов, инвалидов, природоохранным, социальной помощи) в той или иной степени доверяют 29,2% опрошенных, обществам защиты прав потребителей – 29,4%, благотворительным организациям – 28,6%, правозащитным организациям – 20,9%. Еще меньшим уровнем доверия пользуются средства массовой информации – 14,0%, религиозные объединения и конфессии (помимо РПЦ, доверие к которой достаточно велико) – 13,7%, этнические диаспоры – 12,5%, территориальные общественные самоуправления и товарищества собственников жилья – 11,8%, политические партии – 9,5%. Подобное распределение уровней доверия к НКО было выявлено и в ходе опроса Института исследования гражданского общества Высшей школы экономики [17], что свидетельствует о достоверности полученных данных.

В разных субъектах федерации уровни доверия к социальным институтам и группам неодинаковы. Так, уровни доверия к федеральным властям (президенту, правительству, Государственной думе) выше всего в Еврейской автономной области, а ниже всего в Кемеровской области. По отношению к суду, прокуратуре и полиции, а также к Общественной палате Российской Федерации наблюдается четкое разделение на субъекты, характеризующиеся большим и меньшим доверием: уровень доверия выше в Алтайском крае, Еврейской автономной области и Забайкальском крае и ниже в Оренбургской, Кемеровской и Омской областях. Региональные и местные органы власти (губернаторы и главы региональных правительств, администрации регионов, региональные законодательные собрания, муниципальные органы власти) пользуются достаточно большим до-

верием среди жителей всех регионов (в той или иной степени им доверяют более 30% опрошенных), кроме Забайкальского края и Омской области. По уровню доверия к национально-культурным объединениям и этническим диаспорам от остальных регионов заметно отстает Алтайский край.

Что касается уровня доверия к некоммерческим организациям (правозащитным, благотворительным, организациям ветеранов, инвалидов, природоохранным, социальной помощи и обществам защиты прав потребителей), наиболее высок он в Еврейской автономной области, наименее – в Омской области.

Полученные данные позволяют говорить о том, что взаимосвязей между обобщенным межличностным и институциональным доверием не наблюдается. При этом в тех регионах, где выше уверенность в возможности взаимопонимания и сотрудничества между людьми, обладающими различными доходами и властью (Еврейская автономная область, Забайкальский край, Алтайский край), выше и уровень доверия к большинству социальных институтов и групп, в том числе некоммерческих организаций.

Показатели развития гражданского общества. При анализе предпосылок развития гражданского общества было выяснено, что в целом в сознании россиян присутствуют установки, благоприятные для развития гражданской активности и содействия функционированию некоммерческих организаций. Так, большинство опрошенных продемонстрировало согласие с утверждениями «Политика, проводимая властью, должна быть публичной» (81,3%), «Любая реформа, оказывающая серьезное влияние на мои интересы, должна быть контролируема общественными организациями» (72,3%), «Гражданам выгодно объединяться в свободные ассоциации по интересам» (69,4%), «Часть властных полномочий государства должна быть отдана общественным организациям» (51,0%). Также немаловажно, что большинство ощущает общность со своими согражданами, жителями своего региона, населенного пункта и представителями своей национальности (в той или иной степени ее чувствуют от 72,5 до 77,6% респондентов для каждой из перечисленных групп). При оценке роли, прав и обязанностей граждан в государстве преобладали мнения о том, что в решении социальных проблем нужно не надеяться на государство, большинство проблем можно решить сообща, объединив усилия; каждый должен думать не только о себе, но и об окружающих людях, своей стране. В то же время популярным было утверждение о том, что хорошим гражданином можно быть вне политики,

не принимая активного участия в общественно-политических мероприятиях.

Уверенность в необходимости самоорганизации населения сопровождается не слишком высоким уровнем общественной активности граждан. Общественно-полезной деятельностью занимается чуть больше половины опрошенных – 53,4%. Наиболее распространенной формой общественной деятельности является оказание кому-либо помощи (деньгами, продуктами, вещами) – хотя бы раз за последний год этим занимались 48,4% респондентов. Также существенные доли опрошенных вовлечены в следующие виды деятельности: внесение денег в благотворительные фонды и проведение благотворительных акций (20,9%) работа на добровольных началах (18,1%), обращение в органы власти (17,9%), подписание коллективных обращений, петиций (15,7%). Гораздо менее часто россияне принимают участие в публичных выступлениях в поддержку кого-либо или чего-либо (5,1%) и в акциях протеста (4,9%).

В деятельности общественных организаций тем или иным образом участвует 37,3% россиян. Чаще всего среди них упоминались благотворительные организации (22,4%), территориальное самоуправление (20,3%) и профессиональные сообщества (19,9%). В работе молодежных организаций и организаций дополнительного образования задействованы 12,2% опрошенных, остальные виды некоммерческих организаций (правозащитные, религиозные, политические, экологические и т.д.) привлекают к своей работе менее 10% граждан.

О взаимодействии с некоммерческими организациями заявили лишь 16,6% респондентов. Существенное различие в долях тех, кто отметил свое участие в общественных и некоммерческих организациях, вероятно, связано с неосведомленностью граждан о значении второго понятия, что подтверждается и данными недавних опросов [18, 19]. Руководителями некоммерческих организаций являются 1,3% опрошенных, сотрудниками – 4,8%, волонтерами – 3,7%, активными участниками мероприятий и проектов – 4,3%, помогают организациям материально 2,4%.

В различных регионах активность участия населения в деятельности общественных организаций существенно различается. В наибольшей степени такую активность проявляют жители Забайкальского края (56,5% заявили об участии в общественных организациях и 25,3% – в некоммерческих), Еврейской автономной области (58,0 и 23,1%) и Алтайского края (47,5 и 20,8%), в меньшей степени – жители Омской (24,3 и 13,5%),

Оренбургской (17,1 и 12,1%) и Кемеровской областей (20,3 и 5,0%).

Влияние уровней межличностного и институционального доверия на показатели развития гражданского общества. Как показало проведенное исследование, развитие институтов гражданского общества имеет более очевидные взаимосвязи с институциональным, чем с межличностным доверием. Согласно полученным результатам, именно в тех регионах, где уровень институционального доверия и, в частности, уровень доверия к некоммерческим организациям более высоки, значительно выше степень социальной активности граждан, их вовлеченности в работу общественных организаций. Также в регионе, где зафиксирован наиболее высокий уровень обобщенного межличностного доверия, – Еврейской автономной области – наиболее высока вовлеченность граждан в деятельность общественных организаций, в регионах с наименее высоким уровнем доверия – Оренбургской и Кемеровской областях – этот показатель имеет наименьшие значения.

Средние значения оценок обобщенного межличностного доверия несколько выше среди тех, кто участвует в деятельности общественных организаций, чем среди тех, кто в ней не участвует: для первых оно составляет 4,83, а для вторых – 4,41.

Для оценки характеристик взаимосвязи уровней доверия и гражданского участия был использован регрессионный анализ. Полученные в результате регрессионного анализа модели, включающие в качестве независимых переменных уровни обобщенного межличностного доверия, доверия к окружающим и отдельным видам некоммерческих организаций, а также социально-демографические характеристики: пол, возраст, уровень образования и регион проживания, позволили выявить степень и значимость их взаимосвязи со степенью вовлеченности граждан в деятельность институтов гражданского общества (табл.).

Наибольшее влияние на степень участия в деятельности общественных организаций в построенной модели оказал регион проживания ($\beta = -0,275$, $p < 0,01$). Также заметное влияние оказали уровень обобщенного межличностного доверия ($\beta = -0,098$, $p < 0,01$) и уровень образования ($\beta = 0,097$, $p < 0,01$). Таким образом, большая образованность граждан и более высокие уровни доверия могут быть включены в число факторов развития гражданского общества.

Регрессионные модели предикции активности гражданского участия

Предикторы	Участие в деятельности общественных организаций
Доверие к людям в целом	0,098[*]
Доверие к окружающим	-0,068 [*]
Доверие к правозащитным организациям	0,048
Доверие к общественным организациям (организации ветеранов, инвалидов, природоохранные, социальной помощи)	0,056 ^{**}
Доверие к обществам защиты прав потребителей	0,055 ^{**}
Доверие к благотворительным организациям	0,033
Уровень образования	0,097[*]
Пол	-0,020
Возраст	-0,038
Регион	-0,275[*]
Итоговый R ² (%)	10,8

Примечание. Значения в ячейках представляют собой стандартизированные коэффициенты (β) финальной модели. ^{*}p<0,01, ^{**}p<0,05.

Выводы

Согласно результатам исследования, для современных россиян характерны невысокие уровни межличностного доверия. Институциональное доверие чаще имеет большие значения, когда речь идет о федеральных органах власти и других государственных организациях. В отношении большей части организаций гражданского общества уровни доверия невысоки.

Позитивной характеристикой развития гражданского общества является наличие у россиян представлений о значимости самоорганизации граждан, чувства общности с национальным, региональным и местным сообществами и ощущение ответственности за них. Уровень гражданской активности при этом в целом не слишком высок и часто сводится к одноразовым благотворительным акциям или членству в профессиональных организациях и организациях территориального самоуправления.

Значения показателей, связанных как с уровнями доверия, так и с гражданской активностью, существенно различаются в разных регионах, причем прослеживается явная тенденция к более высокой степени участия в организациях гражданского общества именно для тех регионов, где уровни доверия выше. Взаимосвязь между характеристиками доверия и развития гражданского общества подтверждается и статистическими методами.

Проведенный анализ позволяет судить о том, что работа над повышением уровней

институционального и межличностного доверия россиян соответствует интересам как органов власти, так и организаций гражданского общества.

Библиографический список

1. Бараш Р.Э. Гражданское общество как пространство свободы // Научная электронная библиотека «Гражданское общество в России», 2013. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Barash_g_o.pdf – 11 с.
2. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2015 год. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2015. – 238 с.
3. CIVICUS. State of Civil Society Report, 2015. – 376 p.
4. Индекс устойчивости организаций гражданского общества (ОГО): Россия, 2013 // Филантроп. Электронный журнал о благотворительности. – 2014. – 11 с. – URL: <http://philanthropy.ru/wp-content/uploads/2014/08.pdf>.
5. Анализ третьего сектора в России: взаимодействия и субъекты. Северо-Западный федеральный округ // Компания «Авентика». – М., 2015. – 285 с.
6. Попов Е.А., Максимова С.Г. Гражданское общество в современной России: региональное измерение // Право и политика. – 2012. – № 7. – С. 1214-1218.
7. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country in-

vestigation // Quarterly Journal of Economics. – 1997. – Vol. 112 (4). – P. 1251-1288.

8. Omelchenko D., Maximova S., Noyanzina O., Goncharova N., Avdeeva G. National identity and patriotism among Russian youth: representations, feelings and actions // Asian Social Science. – 2015. – Vol. 11 (6). – P. 27-36.

9. Партс И. Роль социального капитала в экономическом развитии переходных стран // Портал «Диалог», 2008. – URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page13246.html>.

10. Натхов Т. Образование, социальный капитал и экономическое развитие (обзор основных исследований) // Вопросы экономики – 2010. – № 8.

11. Грешнова Е. Результаты и эффекты деятельности НКО – помогают ли они завоевать доверие общества? // Повышение доверия к некоммерческим организациям: российский контекст: сб. матер. – М.: Центр развития некоммерческих организаций, 2010. – С. 38-44.

12. Попов Е.А., Максимова С.Г. Социокультурная ситуация в современном российском регионе и муниципальном образовании: социально-экономическая, национально-культурная, духовно-консолидирующая и этносоциальная специфика // Социодинамика. – 2013. – № 2. – С. 269-321.

13. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П. Социально-экономические критерии выбора стратегии социологического исследования регионов // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2013. – № 4 (102). – С. 117-121.

14. Рассыпнов В.А., Максимова Н.Б., Морковкина А.Г. Оценка привлекательности туристских объектов в сельских районах Алтайского края // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2014. – № 3 (113). – С. 145-150.

15. Китайцева О.В., Кученкова А.В. Межличностное доверие и ценностные ориентации молодежи стран Восточной Европы: сравнительный анализ – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013.

16. Кученкова А.В. Межличностное доверие в российском обществе // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 26-36.

17. Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО: региональное измерение; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – 196 с.

18. Мойсов В., Шубина Л. Отношение россиян к ужесточению закона о некоммерческих организациях // Исследовательская группа «Циркон», 2012. – URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/1fb/Otn>

oshenie_rossijan_k_uzhestocheniju_zakona_ob_NKO.pdf.

19. Доклад ЦПТ: Гражданское общество – ресурс развития России // Центр политических технологий, 2013. – URL: <http://komitetgi.ru/analytics/863/#.UkcHtIZT5qk>.

References

1. Barash R.E. Grazhdanskoe obshchestvo kak prostranstvo svobody // Nauchnaya elektronnyaya biblioteka «Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii», 2013. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Barash_g_o.pdf. – 11 s.

2. Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii za 2015 god. – М.: Obshchestvennaya palata Rossiyskoy Federatsii, 2015. – 238 s.

3. CIVICUS. State of Civil Society Report, 2015. – 376 p.

4. Indeks ustoychivosti organizatsiy grazhdanskogo obshchestva (OGO): Rossiya, 2013. // Filantrop. Elektronnyy zhurnal o blagotvoritel'nosti, 2014. – 11 s. – URL: <http://philanthropy.ru/wp-content/uploads/2014/08.pdf>.

5. Analiz tret'ego sektora v Rossii: vzaimodeystviya i sub"ekty. Severo-Zapadnyy federal'nyy okrug // Kompaniya «Aventika». – М., 2015. – 285 s.

6. Popov E.A., Maksimova S.G. Grazhdanskoe obshchestvo v sovremennoy Rossii: regional'noe izmerenie // Pravo i politika. – 2012. – № 7. – S. 1214-1218.

7. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // Quarterly Journal of Economics. – 1997. – Vol. 112 (4). – P. 1251-1288.

8. Omelchenko D., Maximova S., Noyanzina O., Goncharova N., Avdeeva G. National identity and patriotism among Russian youth: representations, feelings and actions // Asian Social Science. – 2015. – Vol. 11 (6). – P. 27-36.

9. Parts I. Rol' sotsial'nogo kapitala v ekonomicheskom razvitii perekhodnykh stran // Portal «Dialog», 2008. – URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page13246.html>.

10. Natkhov T. Obrazovanie, sotsial'nyy kapital i ekonomicheskoe razvitie (obzor osnovnykh issledovaniy) // Voprosy ekonomiki. – 2010. – № 8.

11. Greshnova E. Rezul'taty i efekty deyatel'nosti NKO – pomogayut li oni zavoevat' doverie obshchestva? // Povyshenie doveriya k nekommercheskim organizatsiyam: rossiyskiy kontekst / sbornik materialov. – М.: Tsentr razvitiya nekommercheskikh organizatsiy, 2010. – С. 38-44.

12. Popov E.A., Maksimova S.G. Sotsio-kul'turnaya situatsiya v sovremennom rossiyskom regione i munitsipal'nom obrazovanii: sotsial'no-ekonomicheskaya, natsional'no-kul'turnaya, dukhovno-konsolidiruyushchaya i etnosotsial'naya spetsifika // Sotsiodinamika. – 2013. – № 2. – S. 269-321.
13. Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Goncharova N.P. Sotsial'no-ekonomicheskie kriterii vybora strategii sotsiologicheskogo issledovaniya regionov // Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2013. – № 4 (102). – S. 117-121.
14. Rassypnov V.A., Maksimova N.B., Morkovkina A.G. Otsenka privlekatel'nosti turistskikh ob"ektov v sel'skikh rayonakh Altayskogo kraya // Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2014. – № 3 (113). – S. 145-150.
15. Kitaytseva O.V., Kuchenkova A.V. Mezhlichnostnoe doverie i tsennostnye orientatsii molodezhi stran Vostochnoy Evropy: sravnitel'nyy analiz – M.: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 2013.
16. Kuchenkova A.V. Mezhlichnostnoe doverie v rossiyskom obshchestve // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2016. – № 1. – S. 26-36.
17. Mersiyanova I.V., Korneeva I.E. Vovlechenost' naseleniya v neformal'nye praktiki grazhdanskogo obshchestva i deyatel'nost' NKO: regional'noe izmerenie; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – M.: NIU VShE, 2011. – 196 s.
18. Moysov V., Shubina L. Otnoshenie rossiyan k uzhestocheniyu zakona o nekommercheskikh organizatsiyakh // Issledovatel'skaya gruppa «Tsirkon», 2012. – URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/1fb/Otnoshenie_rossijan_k_uzhestocheniju_zakona_ob_NKO.pdf.
19. Doklad TsPT: Grazhdanskoe obshchestvo – resurs razvitiya Rossii // Tsentr politicheskikh tekhnologiy, 2013. – URL: <http://komitetgi.ru/analytics/863/#.UkcHtIZT5qk>.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта № Г-29-2/15 от 01.12.2015 г. «Доверие как социальный капитал развития гражданского общества: региональное измерение». При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

